

Р Ъ Ч Ъ

въ университетской церкви предъ панихидою въ столѣтіе со дня
рожденія Александра Сергѣевича Пушкина (26 мая).

Заслуженнаго профессора Богословія протоіерей В. М. Войтковскію.

Одною изъ яркихъ особенностей нашего времени въ нашемъ отечествѣ служить между прочимъ все болѣе и болѣе усиливающийся обычай торжественно и самыми многоразличными способами чествовать память отличнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ лицъ и при этомъ большею частію и даже первѣе всего воздавать славу, благодареніе и моленіе о сихъ лицахъ, не только въ общественныхъ собраніяхъ, но и предъ престоломъ Всевышняго Господа Бога, верховнаго Источника и Раздателя всѣхъ благъ и дарованій. Вотъ и мы вмѣстѣ со всею Россіею, подобающимъ образомъ празднуя столѣтнюю память великаго художника русскаго слова, русскихъ воззрѣній, чувствъ и стремленій, Александра Сергѣевича Пушкина, предстали предъ престоломъ Божиимъ, чтобы съ должною честію виновнику торжества воздать подобающую славу, благодареніе и моленіе о немъ и Самому Господу Богу.

Поистинѣ «всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный», какъ мы постоянно слышимъ въ храмѣ Божиѣмъ, «нисходитъ свыше, отъ Отца *спитовъ*» (Іак. 1, 17). Что великій даръ, удѣленный виновнику нынѣшняго торжества Александру Сергѣевичу Пушкину, былъ въ высокой степени благой и совершенный въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій жизни и духа человѣческаго, именно въ просвѣтительно-образовательномъ (культурномъ) отношеніи, объ этомъ живо и велегласно свидѣтельствуется восторженно празднующая столѣтнюю его память вся просвѣщенная Россія, и даже не одна Россія. Да будетъ же и

отъ насъ,—и *въ особенности* отъ васъ, избраннѣйшихъ служителей и искателей просвѣщенія и образованія, велия слава и благодареніе Богу за его великій и благой даръ для Россіи!

Откровеніе Божіе намъ также говоритъ: «дарованія различны, но Духъ одинъ и тотъ-же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ-же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ-же, производящій все во всѣхъ. Но каждому», продолжаетъ Откровеніе, «дается проявленіе Духа *на пользу*» (1 Кор. 12, 4—7). И торжествуемый нами нашъ великій поэтъ употребилъ непосланный ему свыше великій даръ не на пагубу, не во зло, не во вредъ, не въ тщету, какъ это иногда бываетъ съ великими и величавыми талантами, а употребилъ на пользу, какъ извѣстно, просвѣтительно-образовательную. Да будетъ же, съ Господомъ, и ему достойная честь, по слову самого слова Божія: «ему-же честь—честь». (Рим. 13, 7).

Много разсуждалось и впрямь, и вкось, и вкривь, да и нынѣ слышится громкій голосъ, объ искусствѣ, блестящимъ представителемъ котораго въ вышемъ его проявленіи, въ поэзіи, литературѣ, былъ виновникъ нынѣшняго всероссійскаго торжества. Много разсуждалось и разсуждается о сущности искусства, о его отношеніи къ другимъ высшимъ проявленіямъ и отправленіямъ духа человѣческаго,—къ знанію, къ добродѣтели,—о его значеніи и цѣнности въ жизни, о пользѣ, вредѣ и т. п. Среди различныхъ, иногда самыхъ крайнихъ, мнѣній и недоумѣній объ этомъ возвышенномъ, многосложномъ и трудномъ предметѣ, одно несомнѣнно вѣрно и вѣдать полезно, именно: истина, добро, благо, — эти высшіе предметы стремленій духа человѣческаго,—существенно, органически, сродны между собою, но не тождественны. Поэтому и знаніе, и искусство, и добродѣтель, такъ-же существенно сродны между собою; но такъ-же не тождественны: знаніе не искусство и не добродѣтель, и на оборотъ. И потому не правильно, не законно смѣшивать ихъ безотчетно между собою или усиливаться замѣнить одно другимъ, съ исключеніемъ даже котораго либо въ пользу другого. Тѣмъ не менѣе между ними безусловно должно быть и развиваться взаимное соотношеніе, согласіе, гармонія. Это высшій, священный и завѣтный идеаль человѣчества. Всякій разладъ между ними въ своемъ ходѣ и исходѣ ведетъ не къ созиданію, не къ истинному творчеству, а къ разстройству, къ разруше-

нїю, къ уничтоженію. Вотъ причины нерѣдкихъ сильныхъ воплей и нареканій то на науку, то на искусство, то на самую дѣятельность, когда онѣ совершаютъ свой великій путь недружно, не въ добромъ согласіи между собою, а въ разладъ и въ разбродъ. Поэтому есть еще, какъ извѣстно, высшій, общій верховный узелъ, связующій и искусство, и знаніе, и добродѣтель, — это святая религія, по самому словопроизводству, связь, соединеніе, верховное объединеніе; это — благоговѣйное отношеніе, поклоненіе и служеніе духомъ и истиною, то есть вѣмъ существомъ и вѣми силами, Тому, въ Комъ единомъ (ипостасно, субстанціально), какъ-бы въ одушевленномъ, духоносномъ и живоносномъ, единомъ и вселенскомъ храмѣ, обитаютъ въ совокупности, всецѣло, въ полной гармоніи («неразрывно, неслиянно, непреложно и неизмѣнно»), и совершенная истина, и совершенное добро, и совершенное благо, и полное, всестороннее блаженство и благолѣпіе. И искусство, въ своихъ низшихъ проявленіяхъ и въ высшихъ ношеніяхъ идущее врознь, наперекоръ этой общей гармоніи, религіи, не есть искусство въ полномъ и совершенномъ смыслѣ, не есть истинное, совершенное творчество. Точно тоже самое должно сказать и о наукѣ и самой добродѣтели (этикѣ), когда онѣ въ несогласіи, въ разладѣ, съ высшею, общею, верховною связію, религіею.

Простите мнѣ, мужи науки, искусства и дѣла, что я сдѣлалъ нѣкоторое отступленіе и вторженіе въ область, вами, по преимуществу, завѣдываемую. Но въ святилищѣ религіи, среди молитвенныхъ сердечныхъ возношеній къ Богу о виновникѣ нашего торжества, блестящемъ представителѣ высшаго искусства, не неумѣстно и не неблаговременно коснуться и отношенія его творчества и его сердца къ сердцу жизни человѣческой, къ святой религіи. И, слава и благодареніе Всевышнему, онѣ, пламенный служитель искусства, въ общемъ и существенномъ, не былъ въ разладѣ съ святынею религіи, съ поклоненіемъ и служеніемъ единому Богу, въ Троицѣ славимому; а въ этомъ отношеніи, свято слово верховнаго Учителя вѣры Христа, сказанное Имъ къ провозвѣстникамъ Его божественнаго ученія: «кто не противъ васъ, тотъ за васъ» (Мар. 9, 40). Вотъ между прочимъ и причина, почему творчество и творенія нашего великаго творца художественнаго слова пользуются не какими-либо лишь односторонними, но, можно сказать, всеобщими сочувствіями и признаніями.

Но не отрицательно только, а и положительно нашъ великій служитель искусства выражалъ самыя теплыя сочувствія своего сердца къ высшимъ и истинно христіанскимъ воззрѣніямъ, чувствамъ и стремленіямъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ этихъ сочувствій:

«Отцы—пустынники и жены не порочны,
пишетъ поэтъ,—

Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ.
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня (такъ) не умлаетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста,
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго цѣлитъ живительною силой . . .
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой.
«Любоначалія, змии сокрытой сей,
«И празднословія не дай душѣ моей;
«Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
«Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
«И духъ смиренія, терпѣнія, любви
«И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Но «нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ»; поэтому были минуты, когда нашъ великій поэтъ въ глубочайшемъ сокрушеніи сердца горько, горько оплакивалъ и свои человѣческія преткновенія и паденія. Вотъ между прочимъ его слова:

«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь.
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда;
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнія,
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змии сердечной угрызенья,
.
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свѣй длинный развиваетъ свитокъ,
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю».

И въ самый смертный часъ, отдавъ тяжкую дань вѣковому и роковому предразсудку о смытіи кровію поправной чести, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ умираетъ, можно сказать, съ словами первыхъ христіанскихъ мучениковъ. «Требую, говорить онъ своему другу, умирая,—требую, чтобы ты не метилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть *христіаниномъ*». (Русское Обозрѣніе 1898 г. Январь, стр. 44—46). Вотъ его послѣднія слова и молитва!

Помолимся и мы, искренніе его читатели, чтобы Господь Богъ простилъ и ему самому его согрѣшенія вольныя и невольныя и чтобы сотворилъ ему не только столѣтнюю, но и вѣчную память, и не только на землѣ у людей, но и на небѣ у небожителей.

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІА, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.